

Наступало утро, и в комнату проникали первые лучи света. Один из них прошёлся по изголовью кровати, на которой лежал, накрытый по пояс одеялом, и с оголённой, покрытой шрамами грудью Фан Линь; руки его были сложены за затылком, а глаза — направлены в белый потолок, но смотрели они, разумеется, куда-то в мысли.

Но вот мужчина немного приподнялся, опираясь спиной об изголовье с подушкой, и взглянул на женщину, которая сидела на стуле прямо напротив кровати. Её длинные рыжие волосы были развязаны и беспорядочно спадали на её спину, сокрытую чёрным платьем. Фан Линь присмотрелся к этим волосам. Он попытался угадать, какая у женщины была родословная. Наверное, раз она рыжая, это было что-то лисиное, подумал Фан Линь, а потом он взглянул в золотистые глаза Цинь Жуа, только что к нему обернувшейся, и отметил, что это была какая-то особая, златоглазая лисица... Точное название демона он вспомнить не мог.

— Помочь? — спросил Фан Линь.

Женщина расчёсывала свои волосы; мужчина смутно помнил, что у неё была какая-то интересная причёска, и её, наверное, сложно было завязать своими руками, но Цинь Жуа ответила ему:

— Ненужно, — и провела по воздуху пальцами. Показались и сверкнули на сияющей линии света острые спицы. Сами собой они взмыли в воздух и стали орудовать над волосами женщины, — Фан Линь с интересом и несколько заворожённо наблюдал, как ловко они сооружают на её голове причёску. Когда она была готова, и на затылок женщины вернулся причудливый узор, Цинь Жуа встала со стула и заметила, одновременно очень спокойным и немного порицающим тоном:

— Юная госпожа провела ночь в ванной; мне кажется, она могла нас слышать...

— То есть тебя слышать, — усмехнулся Фан Линь.

— Ох, — Цинь Жуа сверкнула на него своим золотистым прищуром:

— Не только меня, но и одного очень громко кряхтящего старичка; честно говоря, он меня даже немного испугал. Я боялась, как бы он в любой момент не отошёл в мир иной прямо на мне. Это был бы такой травмирующий опыт...

— Звучит как чудесная смерть, — улыбнулся Фан Линь, начиная постепенно подниматься на ноги.

— Благодарю за комплимент, — мило качнула головой Цинь Жуа.

Мужчина меж тем нашёл в ногах свою рубашку, натянул её, не застёгивая, влез в штаны, и ковыляя по свежей утренней комнате вышел на балкон. Тот был не очень просторный, но зато стеклянный, с хорошим, широким, как вдох на полную грудь, видом на набережную и на пляж.

Стояло раннее утро, людей снаружи было немного. Сияющий диск поднимался из-за моря, озаряя мир светлыми, но совсем не тёплыми лучами. Потому что это было не солнце — солнце поднималось с другой стороны, а над морем медленно взмывала Золотая Звезда. Мир был в процессе явления, называемого лживый рассвет.

Фан Линь пару минут наблюдал, сидя на стуле, за пронизанным светом прохладным утром на набережной; потом мужчина поднялся и вернулся в номер, где его уже ожидала Цинь Жуа, полностью одетая и накрашенная.

— Какой теперь у тебя план? — спросила она.

— Тот же, что и вчера, наверное, — ответил Фан Линь. — Будут пробовать снова.

— В таком случае желаю удачи... — женщина наклонила голову. — Преследователи из клана уже тут, и в этот раз они не будут церемониться.

— Сколько у нас времени? — спросил Фан Линь. Лучше было сразу узнать, когда именно явятся ищейка Тан, — будет неприятно, если они застанут его врасплох.

— Немного, — ответила Цинь Жуа. — Советую действовать как можно быстрее

— Прошлой ночью ты говорила другое, — заметил Фан Линь, на что женщина слабо улыbnулась.

Мужчина вздохнул и начал спешить. Первым же делом он разбудил Маю, которая действительно спала в туалете закутавшись в одеяла, и не успела девочка до конца проснуться и смутиться, как мужчина её прогнал и сам оккупировал уборную. Когда он вышел, Мая уже ожидала его в коридоре: она смотрела себе в ноги и была красная, как помидор.

Рядом стояла Цинь Жуа.

— Идёшь с нами? — спросил её Фан Линь.

— Разумеется; если у вас получится сбежать, я проследую с вами, а если нет...

— Знаю, знаю, — махнул Фан Линь, и все вместе они пошли в коридор.

Прошли несколько шагов, на протяжении которых Мая заметно мялась, и встали у лестницы, потому что девочка наконец остановилась и обратилась к женщине, смотря ей прямо в глаза:

— Тётя Жуа... Спасибо, что вы нас не выдали... Спасибо вам! — сказала Мая и кивнула. Цинь Жуа сперва даже растерялась, видно для неё благодарность было большой неожиданностью, — но постепенно на лицо женщины вернулась её привычная, немного фальшивая, как уже заметил Фан Линь, улыбка. Служанка нежно кивнула:

— Не за что.

И они стали спускаться в холл. Людей почти не было, а те немногие, кто был, сперва недовольно, как и раньше, поглядывали на троицу, а потом как будто вспоминали что-то, присматривались к служанке, снова к мужчине, и почтённо опускали головы. Уже у самих дверей Фан Линь вдруг поймал ветерок из столовой, и ощутил неописуемый, но очень манящий и сочный аромат завтрака, в котором как будто сочетались нотки из каждой трапезы в его жизни, — были и яйца, и хлеб, и что-то морское, и даже мясной пирог, который он жадно уплетал чёрствым и холодным одним давним летним вечером после бодуна... У мужчины закономерно свело живот.

Ноги едва не повели его в обеденный зал, но Фан Линь опомнился и усилием воли заставил себя вернуться к делу. Он вывел всех на набережную. Потом пошли вдоль неё и вдоль пляжа, и вскоре на воде засеребрился корабль, похожий формой на утюг.

— Канарейка, — нарушила вдруг тишину Цинь Жуа. — Неплохое судно, довольно быстрое и прочное. Хотя это, кажется, модифицированный вариант.

— Интересуешься кораблями? — спросил Фан Линь.

— Это скорее профессиональные знания, — ответила женщина.

Вскоре открылся ясный вид на пляж напротив корабля. Там Фан Линь, к своему неприятному удивлению, обнаружил, что уже шли приготовления к съёмкам. Люди расставляли камеры. Толстый мужчина отдавал приказы. На берегу стояла Нин Юэ, а рядом, на стуле, сидела «Тай» в своём вчерашнем фиолетовом наряде. Фан Линь замер на пару секунд, а потом усмехнулся сам над собой и снова ступил на лестницу, по которой проходила формация. Однако в этот раз на ней его ожидал неприятный сюрприз.

— Дальше нельзя, — сказал мужчина в чёрном костюме. Он был широкий как шкаф на узкой лесенке и загораживал собою весь проход.

Фан Линь остановился.

— Я... Знакомый звезды, — сказал он.

Охранник посмотрел на него сильно недоверчиво, но всё-таки повернулся и спустился на пляж. Там он о чём-то пошептался с Нин Юэ, которая немедленно взглянула на Фан Линь, подняв холодное, как утреннее море, лицо, и побрёл назад. Тай во время их разговора даже не пошевелилась. Вскоре сторож вернулся.

— Вам нельзя ни при каких обстоятельствах. Она... — мужчина повторил чужие слова:

— «Не хочет вас видеть».

Фан Линь кивнул и немного поморщился.

— А найдётся у вас тогда бумажка? И чем писать? — спросил он вдруг. Мужчина промолчал. А Мая притронулась к своему браслету и достала из него листок очень хорошей бумаги, а потом кисть и чернила, — ручки у неё не нашлось. Фан Линь кое-как наковырял письмо, разложив всё это на ограду набережной, и попросил охранника его передать.

Тот немного помялся, но всё-таки снова стал спускаться по лестнице. Сам же Фан Линь в ожидании упёрся на перила.

Мужчина в чёрном передал письмо Нин Юэ. Девушка его взяла, снова покосилась на Фан Линя и протянула бумажку Тайи. Та очень механическими движениями взяла письмо и не читая сжала в комочек и выбросила в море.

Потом девочка встала со стула, прошлась вперёд и встала в центре каждого объектива.

Начиналась съёмка.

Фан Линь горько улыбнулся и покачал головой. Вдруг он опёрся на перила и выкрикнул:

— Эй, нам надо поговорить!

Сразу же вся съёмочная группа обратила на него удивлённое внимание. Кроме Тай. Она даже не шелохнулась.

— Дай хоть рассказать! — снова крикнул мужчина.

Тишина.

— Триста лет, а играем в молчанку, — прошептал Фан Линь, и собирался ещё что-нибудь выкрикнуть, как вдруг прямо у него за спиной закашлял вышибала:

— Слушай, если дальше будешь нарушать порядок... — заговорил мужчина грозным тоном и сжал кулак.

Фан Линь взглянул на этого бугая, примерил силы и прикинул, как легко можно перекинуть его через перила головой в песок... А потом мужчина, продолжая свою фантазию, представил себе, как после этого Нин Юэ его самого превращает в страуса, — что было для не совсем несложно, ибо девушка была примерно на Четвёртой руне, — и сжал зубы.

— Вот и хорошо, сиди смирно, а лучше вообще проваливай, — кивнул вышибала и с довольным видом человека, хорошо выполнившего свою работу, пошёл назад.

Фан Линь вздохнул, опёрся на перила и стал растерянно наблюдать за фотосессией.

Тай просто стояла, неподвижно, среди камер — для неё это была обыкновенная поза, заметил про себя Фан Линь, вспоминая многие журналы, которые просмотрел за эти годы. Потом на песок поставили белый стул с лепниной, и девочка уселась на него, уложив руки на колени, — в этой позе она стала похожа на куклу.

После нескольких минут, наполненных щелчками камер, стул убрали, объективы приблизили, а Тай разложилась прямо на песке. Она легла на него в немного неловкой позе, напоминая брошенную куклу, после чего её дополнительно немного засыпали из лопаточек песочком. Кадр получался интересный, но он почему-то не выходил. Снова и снова главный фотограф, тот самый толстый мужчина, обращался к Тай и давал указания, снова и снова её закапывали песок и так, и эдак, меняли свет, меняли камеры, но каждый раз что-то было не так. Из доносящихся с пляжа криков Фан Линь понял, что дело было в улыбке. Фотографу требовал, чтобы девочка улыбалась...

Но добиться её улыбки было непросто; какую бы гамму чувств не строила на своём личике Тайи во время подготовки, стоило ей оказаться в свете камер, как она, словно по волшебству, по взмаху палочки лазурной феи, превращалась из живой девочки в бревно... В какой-то момент Фан Линю стало больно смотреть, как переводят плёнку. Он даже подумывал выкрикнуть какой-нибудь из секретов девочки прямо во время щелчка камеры, чтобы она волей не волей двинула мышцей лица, но мужчина сдержался и вздохнул.

- Тс, — цокнул он языком и задумался, — что дальше? Что же ему теперь делать...

— Беги, — произнёс ледяной голос в его голове.

— Ах? — удивился Фан Линь и вдруг, как будто ощутив что-то, повернулся и взглянул в голубое небо.

Зрачки мужчины расширились.

Там, среди облаков, мчалась и стремительно увеличивалась на мутной синеве чёрная звезда...